

Марина
СЕРОВА

**Тайны горных
ТУМАНОВ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Тайны горных туманов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Тайны горных туманов / М. С. Серова — «Эксмо»,
2021 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-118313-4

Профессиональному телохранителю Евгении Охотниковой для охраны молоденькой Ани Зеленцовой пришлось стать «походным» бодигардом – отправиться со своей клиенткой в непростое путешествие по горам Урала. Опасность подстерегает Аню на каждом шагу – и не только сорваться со скалы в глубокое ущелье, но и пострадать от руки безжалостного убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118313-4

© Серова М. С., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марина Сергеевна Серова

Тайны горных туманов

© Серова М.С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Яркие лучи жаркого летнего солнца настойчиво пробивались сквозь плотные занавески, которые, увы, не спасали от июньского зноя. Я уже привыкла вставать рано, поэтому и сегодня, по заведенному обычаю, в шесть утра продрала глаза.

В принципе, я вполне могла себе позволить поваляться в постели и подольше – у меня началась череда длинных выходных, с заказом я блестяще справилась еще на прошлой неделе и теперь преспокойно жила в свое удовольствие. Смотрела фильмы, дегустировала отменные тетушкины блюда, которые та постоянно готовила, на улицу выходила редко.

Это раньше я каждое утро начинала с пробежки, раза три-четыре в неделю ходила в тир или на стрельбище и регулярно занималась общефизической подготовкой. Но сейчас я пришла к выводу, что поговорка «талант не пропьешь» для меня полностью справедлива, в своих способностях я была полностью уверена и потому позволяла себе расслабиться во время выходных.

Тетя Мила порой удивлялась, как мне не скучно целыми днями просиживать возле монитора компьютера – она то и дело пыталась вытащить меня на какие-нибудь мероприятия, вроде посиделок у своих подруг, или попросту заставить меня прошвырнуться по магазинам.

Однако все тетушкины «развлечения» мне абсолютно не нравились – не было желания сидеть несколько часов за столом и беседовать с едва знакомыми мне людьми или же убивать время, гуляя по бутикам или универсамам.

В конце концов тетя Мила вроде бы от меня отстала – поняла, видимо, что меня не заставишь делать что-то против воли, и дала мне спокойно отдохнуть так, как мне того хочется.

Время от времени она сетовала, что другие люди ведут более интересную жизнь, нежели у меня, и предлагала мне заняться каким-нибудь хобби. Но к кулинарии я абсолютно не имела никаких способностей – максимум, что я могла сделать на кухне, так это пожарить себе яичницу, да и то практически всегда забывала про сковородку, и несчастная глазунья выглядела как жертва московского пожара 1812 года.

– Женечка, может, тебе лучше рукоделием заняться? – предложила однажды тетушка и привела ряд примеров увлекательных забав с иглой и нитками.

Конечно же, я сразу отмела эту идею – где это видано, чтобы телохранитель Женя Охотникова, мастер боевых искусств и меткий стрелок, сидела за пяльцами да вышивала крестиком?

Одним словом, я наконец-то получила возможность смотреть у монитора киноновинки, а тетушка, исчерпав всю свою фантазию по поводу моего досуга, только вздыхала да молча переживала, что ее любимая племянница не имеет абсолютно никаких «нормальных» интересов.

В моих планах на сегодняшний день значился просмотр трех полнометражных фильмов, которые я нашла в интернете вчера вечером.

Я встала с кровати, надела домашние джинсы и футболку и прошла на кухню, откуда уже доносились ароматные запахи утреннего кофе и какой-то свежей выпечки.

Тетя Мила сосредоточенно переворачивала на сковородке подрумяненные творожники (а может, оладьи или пирожки, точно я пока сказать не могла) и, услышав мои шаги, пожелала мне доброго утра.

Мы обменялись обычными приветствиями, после чего тетушка поинтересовалась, чего сегодня моя душенька желает отведать – сырников, омлета или овсяной пиццы по какому-то новейшему рецепту.

Я абсолютно неприхотлива в еде, поэтому позволила тете самой решать, чем меня накормить, и налила себе в чашку свежесваренный кофе.

– Женечка, вот, попробуй, сырники совсем горячие! – тетя Мила щедро наложила мне в тарелку ароматных плюшек. – Полей сметаной, скоро будет пицца готова!

– Тетя Мила, ну зачем столько готовить? – вздохнула я. – Ты меня кормишь как на убой, столько трудов прилагаешь...

– Ну а кто же еще готовить будет? – удивилась та. – Кстати, Женечка, ты знаешь, меня сегодня Анна Перушникова – помнишь ее, моя давняя приятельница? – приглашает на выставку в нашем музее. Она говорит, что там очень редкое собрание картин, и мне кажется, тебе стоит сходить вместе с нами! И, кстати, будет Илюша Перушников, ее племянник. Очень хороший молодой человек, мы ведь были у них как-то на дне рождения Анны!

– Да я в живописи не разбираюсь. Пожалуй, воздержусь, – лаконично ответила я, отпивая глоток крепкого горячего кофе.

Все понятно – тетя Мила, как всегда, в своем репертуаре. Опять хочет свести меня с очередным «замечательным молодым человеком, который, кстати, не женат, и у него даже нет девушки».

Я очень люблю тетушку, однако некоторые ее привычки порой приводят меня в замешательство.

Дело в том, что тетя Мила спит и видит, как ее обожаемая племянница наконец-то выходит замуж и обзаводится выводком детишек, бросает свою опасную работу и ведет нормальный образ жизни семейной дамы. Сколько бы я ни спорила с тетушкой на эту тему, сколько ни доказывала ей, что пока я вполне довольна своим незамужним положением, – все без толку. Тетю не переубедишь, как ни старайся. Поэтому я научилась спокойно реагировать на все ее попытки и находить повод не являться на очередную встречу с предполагаемым кавалером.

Сейчас я пожалела, что сижу без заказов, – по крайней мере, если бы я занималась новым делом, то могла бы сослаться на работу.

Но тетушка прекрасно знает, что у меня период затишья, поэтому можно пытаться меня таскать по различным мероприятиям.

– И зря ты не хочешь идти! – возразила тетушка. – Неужели тебе неинтересно посмотреть выставку? Я понимаю, ты не художник, но ведь и я никогда в жизни не рисовала! Но посещать музеи нужно хотя бы для культурного развития!

– Сегодня что-то не хочется культурно развиваться, – пробубнила я. – Сходим как-нибудь на выставку с тобой вдвоем. Пока мне лучше отдохнуть в одиночестве.

– Ты опять станешь свои дурацкие сериалы смотреть! – воскликнула тетя Мила. – Ну сколько можно, Женя? Ты же молодая женщина, а не старенькая пенсионерка, надо жить своей жизнью, а не придуманной!

– Тетя Мила, мне и так хватает впечатлений на моей работе! – возразила я. – Могу же я иметь увлечение, не связанное с постоянным общением с людьми! Я же не возражаю против твоего хобби – ты любишь кулинарию, а я – фильмы!

– Приготовление пищи – очень полезное занятие, а вот просмотр телевизора, то есть компьютера, – совсем не...

Я поняла, что спор затянется надолго и тетя Мила меня так просто не оставит. Ссориться с ней и расстраивать ее мне совершенно не хотелось, поэтому я молча занялась своим завтраком, собираясь после тетушкиного монолога похвалить удачное блюдо. Но, на мое счастье, дожидаться окончания речи не пришлось – внезапно зазвонил мой мобильный телефон.

Я обрадовалась сигналу мобилника подобно тому, как радуется ребенок долгожданному подарку на Новый год, и с извиняющейся улыбкой посмотрела на экран смартфона.

Номер был неизвестный, что меня обнадежило – может, повезет и звонок от нового клиента? Тогда можно будет считать, что я спасена и от выставки, и от уныло-скучных бесед с племянником тетушкиной знакомой. Правда, и фильмы не посмотрю, но они от меня никуда не убегут!

– Слушаю, – я поднесла трубку к уху, игнорируя разочарованный взгляд тетушки Милы.
– Доброе утро, – раздался незнакомый мужской голос. – Прошу прощения, я могу поговорить с телохранителем Евгенией Максимовной Охотниковой? Мне правильно дали номер?

– Да, все верно, – ответила я. – Евгения Максимовна вас внимательно слушает. Как к вам можно обращаться?

– Простите за столь ранний звонок, – проговорил мужчина. – Меня зовут Федор Павлович Зеленцов. Мне рекомендовали вас как опытного профессионала, единственного в Тарасове специалиста такого уровня, и я хотел бы вас попросить взяться за мое дело.

– Хорошо, – заметила я. – Вам требуется телохранитель?

– Не мне, – продолжал мой собеседник. – Понимаете, Евгения Максимовна, это долгая история, по телефону разговаривать не совсем удобно. Скажите, мы могли бы с вами встретиться и побеседовать лично? Думаю, иначе подобные дела не обсуждаются...

– Без проблем, – заявила я. – Сегодня у меня есть свободное время; когда и где вам удобно встретиться?

– В первой половине дня вам удобно будет? – спросил Зеленцов. – Мне надо сделать сейчас несколько дел по работе, я освобожусь примерно в девять – полдесятого. Мы можем с вами встретиться в кафе в городе, вы не возражаете?

– Абсолютно ничего не имею против, – произнесла я. – Скажите, какое кафе и где оно находится, я подъеду туда.

– Скажем, кафе «Сенатор» на пересечении улиц Огородной и Мира, это в центре, – предложил Федор Павлович. – Оно довольно тихое, так как цены там высокие, зато поговорить можно будет спокойно. Людей с улицы там не будет, думаю, для разговора это очень удобно.

Как показывает практика, если не хочешь, чтобы тебя подслушали, лучше всего выбирать людные места, однако я не стала говорить об этом Зеленцову. Как говорится, хозяин – барин, но если кафе покажется мне подозрительным, я предложу своему клиенту сменить место для беседы.

Поэтому я согласилась и уточнила:

– Так ко сколько мне подъехать? К девяти?

– Давайте я вам предварительно позвоню за час, чтобы вы не тратили свое время, – сказал Федор Павлович. – Вам это будет удобно?

– Да. – На этом мы попрощались, Зеленцов положил трубку.

Тетушка расстроено посмотрела на меня, со вздохом спросила:

– Опять работа, да, Женечка?

– Новый заказ. – Я постаралась скрыть торжествующую улыбку. – Прости, но музей придется отложить. Но, думаю, тебе будет интересно посмотреть картины с твоей приятельницей и ее племянником.

Тетя Мила молча положила в мою тарелку пищу.

Несмотря на то что из дома я вышла утром, было так жарко, как будто стоял уже полдень. Похоже, нынешнее лето в Тарасове и правда выдаться знойным – почти целый месяц не было дождей, жители города изнемогали от духоты. Работающее население спасалось кондиционерами, отпускники спешили покинуть Тарасов и уехать либо на курорт, либо на дачный участок – кому на что хватало возможностей и времени. Я абсолютно спокойно переношу как жару, так и холод, но что скажешь, была бы моя воля, квартиру я бы не покидала.

Кафе «Сенатор» было небольшим заведением, обставленным по высшему разряду. Мне уже приходилось бывать здесь раньше, и могу сказать, обслуживание тут всегда радовало, выбор блюд был довольно разнообразным, и, как правило, люди сюда заходили весьма обеспеченные. Несмотря на небольшой размер заведения, в «Сенаторе» частенько проводили корпоративы для узкого круга людей, заказывали банкеты и торжества. Я бы назвала его мини-

рестораном, потому что такое наименование подходило «Сенатору» гораздо лучше, нежели просто «кафе».

Федор Павлович сказал, что будет в «Сенаторе» в девять тридцать утра, и, так как я приехала на десять минут раньше, мне пришлось занять столик, показавшийся мне наиболее удобным для делового разговора. Других посетителей в столь ранний час здесь не было, и я решила, что Зеленцов выбрал весьма неплохое место для приватной беседы.

Ко мне сразу подошла стройная высокая официантка и с профессиональной выучкой предложила сделать заказ.

Так как я недавно плотно позавтракала, то остановила свой выбор на эспрессо и стала ждать своего клиента.

Минут через семь, когда я уже допила свой кофе, дверь заведения открылась и в кафе вошел худощавый мужчина лет сорока – сорока пяти. На нем был в деловой костюм темно-синего цвета, из чего я сразу сделала вывод, что он работает в какой-то престижной компании или, возможно, владеет собственным бизнесом. Его темно-каштановые волосы, слегка тронутые сединой, были зачесаны назад, лицо мне показалось несколько усталым и изможденным.

«Либо он по уши завален неотложной работой, либо его что-то тревожит», – подумала я про себя.

Мужчина быстро оглядел заведение, а потом, не колеблясь, подошел к моему столику.

– Евгения Максимовна? – скорее утвердительно, нежели вопросительно, проговорил он.

Я кивнула, мужчина выдвинул стул и устроился напротив меня.

– Признаться, я именно так себе вас и представлял.

«Странно, – подумала я про себя. – Обычно телохранителей в фильмах и книгах изображают одетыми во все кожаное, а я сегодня выбрала легкую черную футболку и обычные джинсы, подходящие в знойную погоду. Но кто знает, может, у Зеленцова иное представление о женщинах-телохранителях?»

Я улыбнулась и проговорила:

– Что ж, вы не ошиблись. К тому же, кроме нас, в кафе никого нет, так что мы можем с вами спокойно поговорить о вашем деле.

Федор Павлович кивнул, к нам снова подошла официантка.

Она вежливо поинтересовалась у Зеленцова, что он будет заказывать, и тот, не пользуясь меню, привычно попросил американо и сэндвич с ветчиной и сыром. Сразу стало понятно, что мужчина постоянно бывает в этом кафе и остается верен своим привычкам – заказывает одно и то же.

Он посмотрел на меня и поинтересовался:

– Евгения Максимовна, вы будете что-нибудь заказывать?

– Спасибо, я уже выпила свой кофе, – улыбнулась я, давая понять, что пришла в кафе не для того, чтобы поесть, а по рабочим делам.

Зеленцов кивнул, официантка взяла мою чашку и отправилась выполнять заказ.

Федор Павлович задумчиво вертел в руках белоснежную салфетку, словно о чем-то сосредоточенно размышлял.

Я нарушила молчание.

– Вы говорили, что хотите воспользоваться моими услугами, – напомнила я. – Хотелось бы узнать поподробнее о сути вашей проблемы.

– Да, конечно, – отстраненно проговорил мужчина. – Только начать придется издалека. Я работаю в крупной тарасовской компании, занимаю там руководящую должность. По меркам нашего города меня можно считать состоятельным человеком, если не больше. Это я говорю не для того, чтоб похвастаться, – всего я добился своим трудом, – а чтобы вы представляли себе мою ситуацию.

– Понимаю, – кивнула я. – Продолжайте.

– Я один воспитываю дочь Аню, – проговорил Зеленцов. – Моя жена Света умерла от рака двенадцать лет назад, когда Ане было всего шесть лет. Увы, спасти жену не удалось, несмотря на то, что я обращался к лучшим специалистам и даже договорился с московской клиникой, чтобы Свету прооперировали. Но жена умерла до отъезда из Тарасова – она так и не дождалась операции... В общем, я воспитывал дочь один, и, чтобы Аня ни в чем не нуждалась, мне приходилось очень много работать. К сожалению, я не мог уделять дочери столько внимания, сколько хотелось бы, сами понимаете. Выручала двоюродная сестра Светы Наташа, единственная родственница жены. Родители Светы погибли в автокатастрофе, поэтому у Ани нет ни бабушки, ни дедушки... Ладно, я это все к тому говорю, что, возможно, я что-то упустил в воспитании Ани, может, где-то не смог ей помочь, утратил доверие дочки... Хотя мы с Аней прекрасно ладим, никогда не ссоримся. Бывает, конечно, Аня обижается на меня – но я и так ей все разрешаю, не подумайте ничего дурного. Я имею в виду выбор места, где учиться после школы, – Ане всегда нравилось рисовать, и я отдал ее сперва в детскую художественную школу. А потом дочка решила поступать в художественное училище, и я согласился помогать ей деньгами, если это потребуется. Сам я считаю, что профессия «художник-живописец» совсем не прибыльная, гораздо лучше окончить какое-то заведение посерьезнее, но настаивать на своем я не стал. Если дочь видит себя в будущем художником – пускай, это ее жизнь, и я не имею права вмешиваться. Наоборот, я во всем поддерживаю Аню, стараюсь ей помочь, хотя дочка у меня самостоятельная. У нее масса всевозможных интересов помимо живописи.

– Каких, например? – поинтересовалась я.

Официантка подошла к нашему столику и аккуратно поставила тарелку с сэндвичем и кофе для Федора Павловича.

Тот не обратил ни на девушку, ни на свой заказ никакого внимания и продолжал:

– Например, Аня обожает ходить в походы. Не знаю, в кого она пошла – мы вроде со Светой ничем подобным не увлекались, выбирались пару раз на отдых, но это совсем не то, что нравится Аняте. Мы-то со Светой путевки брали – в основном на Черное море, зарабатывать порядочно я стал, увы, после смерти жены. Ну, представляете себе – номер в двухместном домике, пляж, море... Пару раз на экскурсии выбрались, и все. А вот Ане подобный отдых кажется скучным. Дочке совсем необязательно ехать на море с пляжем – она сама говорила, что валяться сутками и загорать ей неинтересно, зато топтать целый день с тяжелым рюкзаком по степи или сплавляться по горной речке на байдарках – это ей нравится. Я, конечно, переживал первое время за дочь, но потом привык. Сестра Светы давно замуж вышла и в Москву переехала, и это даже хорошо. Вот она бы точно возражала против Аниных авантюр. Но туристический клуб, в котором числится Аня, хороший – походы они организуют неплохо, отдых экстремальный, конечно, но в рамках разумного. К счастью, дочка пока не увлеклась парашютным спортом и на байках не гоняется – вот это было бы, конечно, слишком. Ладно, я о чем говорю – Аня у меня человек разносторонний, увлекающийся, что, впрочем, ни в коей мере не мешает ее учебе. Домашние задания дочка выполняла скрупулезно, первый курс окончила хорошо. Сейчас у них в училище пора сессии, Анята сдала все экзамены, а потом будет практика. Но до практики у студентов небольшие каникулы, примерно две недели. До недавнего времени все шло хорошо – я пропадал на работе, дочка готовилась к аттестации. Поэтому я не придавал никакого значения тому, что Аня немного изменилась. Стала не такой, как раньше. Так-то она девчонка веселая, общительная, с хорошим чувством юмора, и общаться с ней интересно. Но буквально неделю-другую назад я заметил, что она стала какой-то неразговорчивой. Сперва решил, переживает за экзамены, спросил ее, как дела в училище, но она сказала, что все хорошо. Я поинтересовался, сложная ли сессия у них на факультете живописи, но Аня ведь всегда готовилась к предметам, много занималась, поэтому проблем у нее не возникло. Дочка заверила меня, что аттестация у нее проходит нормально, хотя я заметил, что она вроде

чего-то боится. Тогда подумал – может, настроение плохое – и не стал лезть дочке в душу. Но экзамены прошли, а Аня как была угрюмой, так и осталась.

Мне это совершенно не нравилось, а самое главное, я не мог понять свою дочь. Она откровенничать со мной не хотела, ничего не говорила, и я не знал что и думать. У меня возникла мысль, что Аня, возможно, влюбилась – мало ли, возраст у нее самый подходящий, а молодые люди всегда тяжело переживают, когда не видят взаимности, ну и надумывают себе черт знает что. Я было спросил ее, нет ли у нее парня, но Аня только скептически пожала плечами и заявила, что у нее в группе в основном девчонки и личная жизнь ее сейчас интересует меньше всего. Она всегда была не такой, как остальные ее сверстницы – не встречалась ни с кем ни в школе, ни в училище. И потом, не похоже это было на какую-то влюбленность.

Тогда мне в голову и стали приходиться дурные мысли. Честно вам скажу, Евгения Максимовна, лучше бы Аня с кем-то роман закрутила... Но когда дело не в учебе и не в личной жизни, начинаешь думать о чем-то похуже. Что, если дочка умудрилась связаться с дурной компанией? К алкоголю Аня всегда была равнодушна, курить – не курила никогда, но вдруг кто-то посадил ее на наркотики? Говорят, в среде художников частенько балуются всякими подобными вещами. В общем, когда Аня была в училище, готовилась к итоговому просмотру, я заскочил с работы домой и проверил ее вещи. К счастью, никаких наркотиков я не обнаружил. Зато нашел нечто другое.

Федор Павлович вздохнул, потом вытащил свой бумажник и извлек оттуда сложенный белый лист бумаги.

– Вот это я обнаружил в личных вещах дочери, – он протянул мне листок.

Я развернула его – это оказалось весьма лаконичной запиской. В ней значилось всего-навсего четыре слова: «Если сделаешь это – пожалеешь». Письмо-угроза напечатано на обычной белой типографской бумаге – скорее всего, отправитель набрал текст на компьютере, а потом распечатал его на принтере.

– И у вас есть подозрения по поводу того, кто мог это сделать? – Я внимательно посмотрела на Зеленцова.

Тот пожал плечами.

– Когда Аня вернулась из училища, я спросил ее, что это такое и как оно оказалось в ее вещах. Аня сперва стала возмущаться, что я лазил по ее сумкам, и мне пришлось сказать, что я искал паспорт дочери для документации по работе. Аня не особо разбирается в том, чем я занимаюсь, поэтому успокоилась, но по поводу записки ничего путного не ответила. Только отмахнулась – мол, кто-то пошутил, наверное, и вообще, она не знает, как эта бумажка у нее в вещах оказалась. Все это звучало в высшей мере подозрительно – сперва она кричит на меня, что я не имел никакого права рыться у нее в комнате, а потом делает вид, что до записки ей нет никакого дела.

Я спросил, можно ли мне взять эту бумажку, но Аня упорно притворялась, что записка и вовсе ее не волнует. Хотя врать Аня не умеет, по ней все видно, что она что-то скрывает. Вот только признаваться дочка упорно не хотела. Я даже решил взять на работе несколько отгулов – поставить заместителя на свое место, чтобы побыть с дочерью и понаблюдать за ней.

Пару дней, во время своих выходных, я провел дома – сказал Ане, что не мешало бы отметить окончание ее сессии, отдохнуть по-семейному. Дочка удивилась, потому что привыкла, что я работаю без отпуска, но возражать не стала. Я сказал, что она может позвать своих друзей к нам домой или отметить сдачу экзаменов где-нибудь в кафе. Она выбрала второе – вроде как в училище она ни с кем близко не общается, а ее подруга Вера вряд ли согласится прийти. Точнее, даже не подруга, а девушка, с которой Аня иногда общается. Я удивился – у дочери ведь много знакомых и друзей, взять хотя бы этот туристический клуб. Но оказалось, что люди из клуба общаются в основном во время походов – у кого работа, у кого учеба, из художественного училища в клубе только одна Аня. В общем, в кафе с Аней мы пошли вдвоем.

Мне показалось все это странным – я всегда считал дочку душой компании, а оказалось, что и друзей-то у нее нет.

– А почему та девушка, подруга Ани, Вера, не согласилась прийти на праздник? – удивилась я.

Федор Павлович пожал плечами.

– Аня толком не объяснила, но я понял, что Веру интересует только живопись и с Аней они дружат лишь в училище. Обсуждают задания, ну, и все прочее. Веру я вообще никогда в жизни не видел – живет она на другом конце города, и так они с Аней не пересекаются. Вера, по словам Ани, вообще живет одна – неизвестно, где у нее родители, а из домочадцев у нее только кролик дома. Аня мне фотографии этого кролика показывала из социальной сети.

– Гм... интересная особа, – хмыкнула я. – Ладно, вернемся к вашему рассказу. Итак, вы решили с дочерью отметить окончание ее сессии, верно? Что-нибудь в тот день происходило? О чем вы разговаривали с дочерью?

– Так-то ничего особенного, – вздохнул Зеленцов. – Мы пришли в ресторан в пять вечера, заказали ужин. Во время учебного года дочка питается в студенческой столовой, а дома всегда готовит сама. Когда Аня была маленькой, готовкой занималась Наташа, а потом дочка заинтересовалась кулинарией, поэтому я не нанимал домработницу. Странно, наверное, но мне даже так легче было – Ане нравится стряпня, а лишних людей в дом приводить как-то не хочется. Но к ресторанам Аня относится равнодушно, она не из тех девушек, которых удивишь ювелирными украшениями, дорогими брендовыми шмотками да изысканной кухней в элитном заведении. При моем материальном достатке следовало бы, наверное, почаще выводить дочь в свет, но зачем заставлять ее что-то делать против воли? У нее собственный круг общения – ну, интересно ей возякаться в масляной краске да кормить комаров в палатке на берегу реки, пускай развлекается...

Ладно, это опять к теме не относится. Понимаете ли, Евгения Максимовна, телохранителя я нанимаю впервые в жизни, поэтому не могу знать, какого рода информация окажется вам полезной. Так что, если вы считаете, что что-то к делу не относится, вы можете меня прерывать и задавать интересующие вас вопросы...

– Пока рассказывайте все, что считаете нужным, – покачала я головой. – И чем больше, тем лучше. Мне нужно ясно представлять себе картину происходящего, чтобы вовремя ликвидировать угрозу, если таковая, конечно, имеется. Как я поняла, вы хотите, чтобы я охраняла вашу дочь, верно?

– Да, именно так, – согласился Зеленцов. – Только дело обстоит несколько... гм... несколько иначе, чем можно себе представить.

– То есть? Поясните!

Федор Павлович вздохнул и произнес:

– В начале своего рассказа я говорил, что Аня – натура увлекающаяся и разносторонняя. Так вот, она состоит в туристическом клубе «Путеводная звезда», и вместе с ребятами из клуба дочка неоднократно ходила в походы. По Тарасовской области в основном – у них были пешие двухдневные маршруты, байдарочные сплавы, велопоходы... Клуб очень хороший, я о нем читал только положительные отзывы. Народ там непьющий и некурящий, люди просто ведут активный образ жизни. Поэтому я и отпускал Аню на все эти мероприятия. Однако в скором времени состоится поход в горы – куда-то на Урал, и Аня давно мечтала туда поехать. Она еще зимой мне все уши прожужжала про эти горы, и я согласился финансировать ее дорогу, ну, и покрыть прочие материальные расходы. Но после того, как я нашел в вещах Ани эту записку-угрозу, мне совершенно не хочется отпускать дочь в горы. Я даже пригрозил ей, что не дам своего согласия и не выделю денег на поход, если дочка не расскажет, откуда у нее взялось это письмо и что вообще происходит. Но, знаете, все без толку. Аня с пеной у рта уверяла меня, что представления не имеет, откуда взялась эта бумажка в ее сумке и что ничего

такого с ней не случилось. Говорила, что устала от экзаменов, что ей надо отдохнуть, перевести дух, что Урал – это мечта ее жизни, умоляла меня... Ну, не могу я отказать дочке! Я долго думал, как обезопасить Аню от возможной опасности, и наконец решил прибегнуть к услугам телохранителя, то есть нанять вас. Я рассказал дочери, что отпущу ее только в том случае, если она поедет не одна, а с опытным профессионалом. Как я и думал, Аня отреагировала неадекватно – наотрез отказалась. Еще и заявила, что, если я попытаюсь кого-то нанять, она и вовсе из дома сбежит.

– Гм... странно, – протянула я. – А почему Аня настроена так категорично?

– Видите ли, не хочет, чтобы другие участники похода на нее косо смотрели, – вздохнул Зеленцов. – Она полагает, что телохранитель – это какой-то головорез, который будет постоянно ей мешать. Да и остальные ребята поднимут ее на смех. Я пообещал ей, что найму опытного человека, но она и слушать меня не хочет. Поэтому о нашей с вами встрече я ничего ей пока не говорил.

– Ну, на громилу головореза я вроде не похожа, – хмыкнула я.

Федор Павлович кивнул.

– Естественно, но Ане-то этого не докажешь! Чтобы она согласилась, надо вам познакомиться с ней. Вы ведь сможете убедить мою дочь в том, что ничего такого ужасного в том, чтобы ее сопровождал телохранитель, нет? Скажем, встретитесь с ней, поговорите – вдруг она вам больше расскажет? Аня ведь девушка юная, она думает, что все знает о жизни, но на самом деле все это юношеский максимализм, не более. Посмотрела, может, какой-нибудь боевик про телохранителей и «плохих мальчиков», вот и думает теперь, что я найму для нее какого-то уроду с кучей шрамов и внешностью шкафа...

– Конечно, я встречусь с вашей дочерью! – заверила я Зеленцова. – Только скажите, чем она сейчас занимается, как проводит время и где я могу ее найти?

– Ну, она частенько рисует дома или, если погода подходящая, то есть не слишком жарко, выходит с Верой куда-нибудь в парк на этюды, – проговорил Федор Павлович. – Я ей этого делать не запрещаю – по учебе нужно, а из-за своих подозрений я не могу посадить дочь под домашний арест. Да и выглядеть это будет глупо. К счастью, рисуют с Верой они утром или днем, поздно вечером Аня домой возвращается редко – только раз в неделю, когда проходят собрания клуба «Путеводная звезда». Но там я ее встречаю, заезжаю в клуб на машине и отвожу домой. Я как раз успеваю после работы ее встретить. К примеру, сегодня и завтра Аня хотела порисовать с Верой в нашем центральном парке – она утром собрала свой этюдник и, думаю, еще домой не вернулась. Я могу вам дать номер дочери, чтобы вы ей позвонили, можете придумать что-нибудь... К примеру, скажите, что от меня, а там сориентируетесь на месте...

– У вас есть фотография вашей дочери? – спросила я.

Федор Павлович кивнул и снова открыл свой бумажник.

– Я специально распечатал фото, думаю, так будет удобнее, – произнес он. – Аня не очень любит фотографироваться, поэтому у нас не так много снимков. Это вроде лучшая фотография из всех, что есть.

Он протянул мне обычного размера бумажное фото, и я внимательно посмотрела на снимок. Миловидная девушка лет семнадцати-восемнадцати, с каштановыми волосами до плеч, подстриженными под каре. Карие глаза, красивой формы высокий лоб, приятное лицо овальной формы. Сразу видно, Аня косметикой не пользовалась и сделана фотография была, по всей видимости, во время одного из походов или попросту на природе. На девушке был свитер темно-зеленого цвета, а на заднем плане я разглядела какую-то рощу.

– Фотография этого года? – уточнила я.

– Да, это весенний двухдневный поход, в котором Аня принимала участие, – подтвердил мою догадку Зеленцов. – Подойдет такой снимок?

– Да, конечно, – кивнула я. – И вы обещали еще дать мне номер телефона вашей дочери.

Федор Павлович продиктовал мне номер мобильного Ани и только потом обратил внимание на свой заказ.

Кофе давно остыл, как, впрочем, и сэндвич.

Глава 2

Сразу после разговора с Федором Павловичем я поехала в парк, где надеялась найти Аню вместе с ее подругой Верой.

С одноклассницей дочери Зеленцова мне тоже хотелось познакомиться – быть может, она что-то знает о том, кто мог угрожать Ане. Конечно, записка и в самом деле могла оказаться чьей-то не слишком удачной шуткой, но, признаюсь, в это мне верилось с трудом. Пошутить можно было и по-другому, а вот в письме явно содержалась угроза. И потом, реакция Ани – ее отец отметил, что дочка сильно изменилась, и раз дело не в проблемах с учебной, скорее всего, всему виной злосчастная записка. Хотя девушка и говорила, что понятия не имеет, откуда взялось письмо, я ее словам не верила. Отец Ани, впрочем, тоже.

До центрального парка Тарасова я добралась быстро – по счастью, пробок не было, поэтому вскоре я уже припарковала машину на стоянке и зашла на территорию зоны отдыха.

Для горожан, которые проводят лето в городе, центральный парк – наилучшее место для прогулок, по крайней мере, здесь не так пыльно и шумно, как на улицах. По дорожкам прогуливались мамочки с колясками, дети постарше катались на роликах и скейтах, влюбленные парочки миловались на лавочках возле маленького пруда.

Я прикинула в уме, где в парке могут находиться девушки-художницы, и внимательно осмотрелась по сторонам.

В принципе, замечу я их сразу – наверняка у обеих студенток имеются мольберты и этюдники, вроде так называются сундуки с красками. Поэтому я ускорила шаг и быстро прошла вдоль пруда.

Вдалеке виднелся парк с аттракционами, и я задумалась.

Может, Вера с Аней решили запечатлеть на своих холстах карусели? Чертово колесо, например?

Увы, я не художник и никогда живописью не интересовалась, поэтому представления не имела, что может заинтересовать сокурсниц в качестве природы. Вроде обычно рисуют природу, портреты... Но, видимо, придется осмотреть весь парк – пока я никого похожего на Аню с Верой не заметила.

Я прошла по парку аттракционов, потом завернула на пристань прогулочных лодок. За ограждение решила не идти – это все равно бессмысленно, завернула за летнее кафе и прошла на довольно пустынное место, поросшее деревьями. Лесом или рощей это, конечно, не назовешь, но лавочек тут было гораздо меньше, а пруд казался грязнее. Если кому и захочется посидеть в парке подальше от толп людей, то этот пустырь – самое подходящее место.

Я оказалась права – еще издали заметила двух девушек, расположившихся на берегу озера. У обеих в руках были какие-то картонки (наверное, холсты), рядом стояли деревянные ящики. Одежда девушек явно отличалась от одежды других посетителей парка: на обеих были потертанные джинсы и клетчатые рубашки – наверняка художницы надели то, что не жаль испачкать.

Я обрадовалась, что не опоздала, и решительно подошла ближе. Теперь я могла разглядеть подруг, которые увлеченно занимались рисованием.

Ни Вера, ни Аня меня не заметили – обе намешивали кистями краски на палитре, изредка обмениваясь репликами. О чем был разговор, я не слышала, зато внимательно оглядела внешность компаньонов.

Аню я сразу узнала благодаря фотографии, которую отдал мне Зеленцов. Вера же выглядела старше подруги, у нее были длинные волосы, забранные сзади в хвост, и довольно необычное лицо. Красавицей я бы ее не назвала – слишком выдающийся вперед подбородок, слишком тонкие губы, да и прическа совсем не подходила к ее типу лица. На месте Веры я бы отпустила

челку и выбрала более стильную стрижку, да и косметика девушке явно бы не помешала. Но Веру, похоже, совершенно не волновала собственная внешность – по ней было видно, что она целиком погружена в свое творчество. Аня тоже выглядела сосредоточенно – то ли ей не нравилось, что получалось на ее картине, то ли ее беспокоили какие-то другие проблемы.

Я тихо приблизилась к художницам, а потом вежливо проговорила:

– Здравствуйте, прошу прощения, что беспокою... Можно взглянуть на ваши картины?

Обе девчонки, как по команде, подняли на меня глаза.

Потом Вера пожала плечами (как мне показалось, несколько высокомерно) и сказала:

– Смотрите... Только это не картины, а всего лишь этюды.

– Я в этом совсем не разбираюсь, – улыбнулась я. – Просто мне очень нравится... живопись.

– Мы только учимся, – подала голос Аня. – Мы еще не художники...

– Для меня любой человек, который умеет рисовать, – художник, – заметила я. – Увы, мне такого таланта не дано...

Я зашла за спины к девушкам и посмотрела на их маленькие холстики. Обе, как мне показалось, изображали одно и то же место – пруд, на берегу которого росли деревья, однако картинки сильно отличались.

Цвета на Верином холсте показались мне несколько мрачными и сероватыми, словно она писала пасмурный осенний день. А вот палитра Ани, напротив, выглядела жизнерадостной и яркой, вода в озере искрилась голубыми и лазурными цветами, а деревья были покрыты салатовой и желто-зеленой листвой.

Если верить в то, что произведение художника является отражением его внутренней природы, то можно сделать вывод, что Вера – человек меланхоличный и угрюмый, а Аня, напротив, девушка жизнерадостная и позитивная. В принципе, по рассказу Зеленцова, его дочь и была такой до недавнего времени...

– Как красиво! – воскликнула я. – Вы свои картины потом продавать будете?

– Да что вы, смеетесь? – хмыкнула Вера. – Какие это картины? Это же так, зарисовки. Для итогового просмотра в училище. Покупать их явно никто не станет.

– Ну почему же? – удивилась я. – Честно говоря, я всегда мечтала повесить у себя в квартире произведение нашего тарасовского художника. Да и моя тетька в восторге от живописи... Вот я бы, например, с радостью приобрела обе ваши картины. Если, конечно, вы согласны их продать!

– Так они ж недоделаны... – смутилась Вера.

Аня посмотрела на меня с таким видом, словно я только что сказала величайшую в мире бессмыслицу.

– Но вы же доделаете! – возразила я. – А пока мне и так нравится!

Девушки переглянулись, точно советуясь между собой.

Повисло молчание, после чего Аня неуверенно проговорила:

– Честно говоря, у меня еще никто не покупал... мои этюды. Я не слишком хорошо пишу, мы только первый курс окончили. Может, вам лучше поискать работы более опытных художников?

– Ну, если нравятся именно эти этюды, то почему бы и нет? – вставила Вера.

Теперь ее глаза загорелись – мне стало понятно, что продать свою работу она совсем не против, стало быть, я выбрала удачную тактику. Начало разговора положено, и девушки не станут возражать, если я останусь до окончания их пленэра.

– Мне как-то не по себе, – призналась Аня. – Ну... как-то странно все это...

– И за сколько вы готовы купить наши работы? – не обращая внимания на колебания подруги, спросила Вера. – Называйте вашу цену, а мы подумаем. В принципе, этюды нам нужны для просмотра, поэтому я что-то не знаю...

– В ценах на картины я совершенно не разбираюсь, – развела я руками. – Поэтому назовите цену на ваше усмотрение. Я готова купить ваши этюды, меня устроит любая сумма.

Девушки снова задумались.

Вера принялась сосредоточенно вырисовывать стебельки камышей на берегу озера, Аня сидела и просто смотрела на воду. На меня они как будто не обращали внимания, но было видно, что обе колеблются. Я, конечно, не психолог, однако опыт общения с людьми у меня огромный, поэтому я набросала в уме психологические портреты обеих подруг.

Аня – человек, не уверенный в своих способностях, тогда как Вера, напротив, считает себя вполне состоявшимся живописцем, несмотря на то, что обе учатся на первом курсе. Деньги, видно, нужны обеим – несмотря на то, что у Ани богатый отец, я была уверена, что и она не прочь заработать. Вере и подавно заработок необходим – если она живет без родителей, то вполне возможно, у нее есть какая-то подработка. Или же ее кто-то содержит – к примеру, родные девушки могут запросто проживать в другом городе и присылать ей деньги на существование. Возможно, Аня просто не знает подробностей личной жизни подруги...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.